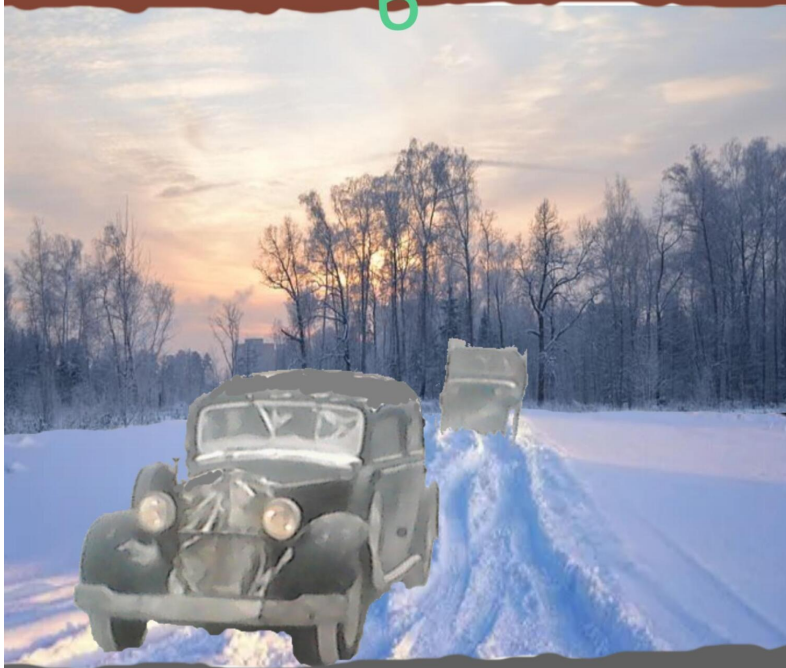

Валентин Вишняков

Подумаешь, попал

6

Историческая фантастика

Валентин Георгиевич Вишняков

Подумаешь, попал – 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69756658

SelfPub; 2023

Аннотация

Сможет ли главный герой хоть немного изменить историю, может и сможет, но история не терпит сослагательных, за каждое вмешательство в её течение, она берет определенную плату и какой она будет, зависит уже от самого героя.

Валентин Вишняков

Подумаешь, попал – 6

Пролог

Оставшись один, Капралов стал разбирать полученную «почту», она стекалась к нему отовсюду, со всех частей армии и не только, он старался быть в курсе всего происходящего по всей линии фронта. На данный момент он совмещал две должности: особиста армии и в то же время служащего СМЕРШ. Казалось как это возможно ведь у обоих этих хоть и смежных организаций разные руководители конкурирующие между собой. Оказалось можно, если у тебя твой непосредственный начальник «Сам» и только перед ним ты отчитываешься в том, что происходит вокруг одного человека.

Раскрыв папку, он начал вчитываться в донесения полученные от особистов на местах. Некоторые листки откладывал сразу, не найдя в их содержании нечего интересного, на других делал пометки собираясь разобраться с полученной информацией чуть попозже, пока не остановился на одном. Донесение писалось на его имя.

« Начальнику Особого отдела армии полковнику Капралову, лично в руки.»

Юрий Васильевич хмыкнув, распечатал скрепленный сургучом листок и развернув его стал читать.

« От начальника штаба второго танкового батальона, пя-

той гвардейской бригады капитана Мазурова Павла Степановича. Довожу до вашего сведения о непристойном поведении командарма нашей армии генерал – лейтенанта Кропоткина В.В.»

Читая это Капралов в недоумении снова прочитал фамилию и должность написавшего донос на командарма Кропоткина и задумчиво почесав нос, снова углубился в данное чтение.

«Генерал Кропоткин пользуясь служебным положением, на виду у всех оболгал и унизил меня, обвинив в том, что делал сам, а именно принуждал женский медперсонал армии к сожителству, не обращая внимания есть ли у женщин мужа и женихи. Так пострадал и я, когда генерал – лейтенант Кропоткин силой увел у меня невесту, когда же я попробовал вступить за свою честь и честь своей невесты меня избили, после чего генерал – лейтенант Кропоткин стал самолично угрожать мне физической расправой и штрафбатом, если я буду продолжать добиваться справедливости. Но не это самое главное в преступных действиях генерал – лейтенанта Кропоткина. Совсем недавно я узнал о вопиющем случае, от командира взвода тяжелых танков старшего – лейтенанта Алексея Владимировича Булыгина, которого перевели в наш батальон. С его слов во время фланговой атаки немецкой танковой дивизии на нашу наступающую армию, генерал Кропоткин находился при его взводе. Заметив немецкие танки, он приказал на танк в котором находился на дан-

ный момент прикрепить фашистский флаг. Остальные действия были еще подозрительней. Генерал Кропоткин приказал идти на сближение с немецкими танками, которых было несколько десятков. Подозреваю, что оказавшись в окружении Кропоткин струсил и решил сдаться сам и сдать врагу новые секретные танки, но этому помешали действия, старшего – лейтенанта Булыгина, открывшего огонь по немецким танкам, а так же налет наших штурмовиков. В результате преступных действий командарма Кропоткина, погибли люди, а также были подбиты два новейших танка из трех прибывших в нашу армию, один танк безвозвратно потерян.

Гвардии капитан Мазуров.»

Капралов еще раз перечитал донос и сперва даже хотел разорвать его, но потом, что – то решив свернул листок и спрятал его в нагрудный карман.

Глава первая

Виллис то и дело потряхивало на раздолбанной танками и едва присыпанными воронками от снарядов и авиабомб грунтовой дороги. Снег вперемешку с застывшими комьями грязи, что может быть хуже попасть в такую калию.

Капралов глянул на часы без двадцати двенадцать, а ведь они выехали с утра. Он даже не успел позавтракать, так выпил стакан горячего чая и все. После нескольких дней наступательных боев их армию прорыва вывели из боев заменив на фронтовые части, те продолжали наступать, хотя темп и снизился. Их армия понесла ощутимые потери, но свою за-

дачу выполнила, немецкий фронт был прорван. Теперь же оставаясь в тылу, части армии ждала укомплектовка в живой силе и техники. Причем, что касается техники должен был поступить целый батальон новейших танков Т – 34 -85, о них Капралов слышал еще с прошлого года и вот теперь ожидалось их прибытие, первая партия и именно в их армию.

Что не говори почетно. Но, Юрий Васильевич понимал, что об этих новых танках узнают и немцы и его задача как одного из руководителя СМЕРШ, что бы это случилось, как можно позже, ведь это какой сюрприз для врага, осознать, что в Красной армии появились танки способные на равных тягаться с их «тиграми» и «пантерами». И тут этот донос и не на кого то, а на самого командарма генерал – лейтенанта Кропоткина. Нет Капралов несколько не сомневался в смелости и решительности, в постоянно рвущегося в бой командарма и тут такое, два офицера обвиняют генерала в трусости и чуть ли не в предательстве. Нет тут, что то не так, действия капитана Мазурова можно было понять у него отбили девушку, нужно кстати выяснить кто она и как это произошло. Да генерал – лейтенант Кропоткин не безгрешен, были у него интрижки с медперсоналом, вот хотя бы с этой Людочкой не помню как её фамилия, но это сейчас не важно. Факт тот, что прецеденты были. И вот теперь это, но вроде после женитьбы, у Виталия Викторовича больше не было ППЖ на фронте, хотя кто его знает, может решил завести, он молодой, жена далеко. Сам Капралов слышал, что на комфрон-

та генерала Рокоссовского были доносы, о его любовницах на фронте, мол через чур аморален, да что Рокоссовский, сам Жуков якобы был не безгрешен. Так, что если и случилось такое, что командарм Кропоткин завел себе любовницу, так, что теперь весь командный состав за аморалку привлекать, смех да и только. Но вот с этим немецким флагом, раз есть свидетели, значит инцидент был и от этого не куда не денешься поползут слухи, дойдет до «Самого» если уже не дошло, ведь и в ведомстве Капралова, да и в самом штабе армии, есть доносчики, так, что происшедшие не утаить, но прежде чем «бежать» докладывать, надо выяснить было ли оно, а если было, то для чего Кропоткин приказал прицепить на танк фашистский флаг.

Не доезжая до большого села, где расположилась танковая бригада Толбухина, Юрий Васильевич увидел несколько отдельных строений и большую огороженную площадку, забитую разнообразной техникой: там были танки, бронемашины и тягачи, хватало и автомобильной техники.

«Хозяйство Ермолова». Прочел Капралов на таблички указателя и велел сворачивать на дорогу ведущую к бывшей МТС судя по всему, до войны эти постройки и были им. Подполковника Ермолова, Капралов знал хорошо, вместе начинали службу, тогда еще в бригаде Кропоткина и уж кто, кто, а Николай Федорович будучи главным техником танкового корпуса, знал и слышал многое, о том, что творится в танковых бригадах. Почему, да потому, что безлошадные танки-

сты, из батальонов торчали в рембате, ожидая отремонтированную технику. Помогали технарям в случае надобности в ремонте машины, тем самым лучше изучая её, что в дальнейшем, при незначительных поломках, самому экипажу быстро устранить неисправность. Как раз тот танк, на котором за командира был сам командарм, должен был быть здесь, может кто еще из экипажа уцелел, вот их первыми и расспросим. Ворота бывшего МТС были раскрыты и их виллис беспрепятственно въехав на заставленную техникой площадку остановился у отдельно стоявшего домика, вероятно бывшем когда то конторой МТС. Возле конторы уже стояли два виллиса и потому автомобиль Капралова с трудом припарковался рядом с ними, так чтобы не перегораживать основную дорогу.

Это я удачно попал, решил полковник войдя в небольшой кабинет конторки в которой находилось несколько офицеров, среди которых, не без удовольствия Юрий Васильевич узнал полковника Толбухина. Тот сидел напротив Ермолова и о чем то с тем горячо спорил. Когда Капралов вошел, все офицеры вскочили с мест увидев вошедшего старшего по званию. Все, кроме полковника Толбухина. Иван лишь обернулся и увидев кто вошел, снова переключил своё внимание на Ермолова. Капралов и Толбухин недолюбливали друг, друга и было из – за чего, не раз они сцеплялись бывало из за пустяков и не очень и с глазу на глаз, а порой и в присутствии Кропоткина, которому приходилось разводить их

в стороны. Капралову не нравилось поведение, этого с виду спокойного, порой слишком молчаливого комбрига, ведь чувствовалось, что тот сам, себе на уме, а от такого жди чего угодно. Толбухину же не нравился Капралов сам по себе, а особенно его должность. Еще будучи ротным Иван Толбухин не дал арестовать Капралову одного из своих взводных, который по мнению особиста, совершил не простительную ошибку в результате которой при переправе через довольно глубокую речку был утоплен танк. Сам экипаж чудом спасся, но был задержан особым отделом. Может и был виноват молодой лейтенант, что прежде чем переправляться через реку внимательней осмотреть старый мост, чьи стойки оказались подпилены, но отдавать за это весь экипаж под трибунал. В конце концов арестовали только командира. Тогда Толбухин сам нырял в холодную ноябрьскую воду, танк был спасен, как и лейтенант, которого Иван чуть ли не с боем освободил из цепких рук НКВД, наведя ствол пушки того самого танка за который собирались осудить танкиста, на машину «чекистов» собиравшихся увести провинившегося. Толбухин чуть сам не угодил под арест, но вмешался Кропоткин, инцидент казалось был исчерпан, но осадок остался. Воспоминания комбрига были прерваны, спокойным голосом особиста.

– Вольно, занимайтесь, – скомандовал Капралов и обратился к Ермолову. – Николай Федорович, танк ИС – 2 сейчас у тебя в ремонте?

– Так точно, товарищ полковник, оба подбитых танка доставили сюда. – Один к сожалению ремонту не подлежит, разбит почти полностью, но вот «ленивец», как раз пригодится для ремонта другой машины, как и командирская башенка, она у той как раз больше всего и пострадала.

– А ктонибудь из экипажа танка в котором был командарм, еще уцелел и где они сейчас? – быстро спросил Капралов заметив, что комбриг Толбухин встал собираясь уходить.

– Подождите Иван Емельянович, мне надо с вами поговорить по важному делу, – остановил особист комбрига.

Оба полковника посмотрели друг на друга неприязненно, но начальник особого отдела армии, есть начальник и Толбухин уступил собираясь вновь присесть на стул, но потом передумав сказал.

– Хорошо товарищ полковник, выйду только перекурю. Что незамедлительно и сделал.

Капралов вновь перевел взгляд на Ермолова и тот поспешил ответить на заданный вопрос.

– Наводчик тут у нас, тоже в танке копается, заряжающий погиб, а механик – водитель в госпитале, у него обе ноги перебиты.

– Вызовите наводчика сюда, – распорядился Капралов.

– Егоров, найдите наводчика с ИС – 2 и приведите сюда, – обратился Ермолов к одному из лейтенантов, изучавшему какие то бумаги, скорей всего накладные на получение запчастей.

Тот вскочил, кивнул и надев на голову шапку выскочил из конторки.

Рассказ наводчика Капралов выслушал не перебивая, время от времени задавая наводящие вопросы. При опросе наводчика присутствовали только Ермолов и Толбухин который докурив папиросу не спрашивая разрешение вошел вслед за прибывшим младшим сержантом, другие офицеры ушли обедать. Ермолов не стал возражать против присутствия комбрига. Наоборот особисту было интересно, как поведет себя Толбухин при опросе младшего сержанта. Тот повел себя спокойно не вмешиваясь в фактически допрос танкиста. Но, при этом внимательно вслушиваясь в разговор.

– Так вот товарища генерал – лейтенанта шибко контузило, я его с трудом вытащил из танка – больно уж тяжёлый он, а механика – водителя уже наши из охраны командарма вытягли, тот еще в сознании был.

– Меня за тот бой, орденом наградили вчера вручили, – младший сержант расстегнув промасленный чёрный бушлат и показал орден «Красной звезды» украсивший его грудь, рядом на гимнастерке, висела медаль «За боевые заслуги» и желтела нашивка говорящая о том, что парень уже бывал ранее в боях и был ранен.

– А все ли ты нам рассказал, товарищ младший сержант? – вкрадчиво спросил Капралов у наводчика.

Тот еще больше заволновался, робея перед начальством и чуть ли не заикаясь ответил.

– Да вроде все товарищ полковник, я как товарищу генералу голову перевязал его солдаты из охраны в бронемашину загрузили, туда и механика забрали и по быстрому видно в санбат повезли. – Немцы как раз отступили, здорово их наши штурмовики проутюжили, хотя и нам досталось, – добавил наводчик и замолчал, почему то опустив вниз голову, стараясь не встретиться с проницательным взглядом полковника..

– А про немецкий флаг на своем танке ты не чего не хочешь сказать? – не как не отреагировав на восхваления действий штурмовиков Капралов.

– Ах, это! – младший сержант вдруг улыбнулся.

– Это товарищ генерал здорово придумал, у немцев за слон шибко сильный стоял на дороге не меньше взвода танков, ну мы его с этим флагом и подловили, они то подумали свои идут и стрелять по нам не стали, тут мы их и приголубили, а потом в тыл по остальным ударили. Младший сержант рассказывал об этой короткой схватке, заново переживая произошедшее.

– Понятно. – Спасибо товарищ младший сержант, можете идти, – Капралов обернулся к Толбухину.

– Вы все слышали товарищ полковник?

Иван пожал плечами и ответил. – Слышал, ну и что?

– Наш командарм всегда умел выходить победителем и из более серьезных ситуаций. Иван еще не понимал к чему клонит особист задав этот непонятный вопрос.

– Я вынужден арестовать двоих офицеров вашей бригады.

Произнеся это полковник внимательно посмотрев на реакцию Толбухина. Капралов торжествовал, наконец то он утрет нос этому самодовольному комбригу.

Толбухин был удивлен и ошарашен, к такому внезапному повороту событий он не был готов, тем более не понимая, как опрос обычного наводчика мог привести к таким последствиям.

– Я за своими ребятами ничего плохого не замечал, за каждого готов поручиться, так что в обиду ни кого не дам, – наконец произнес он, едва сдерживая себя стараясь не произнести слова готовые сорваться с губ в адрес особиста, а уж за те слова которые едва не вырвались с его уст можно и под трибунал загреметь. В звании они то равны но по должности Особист стоял выше комбрига.

– Опять, что – то против меня затеваешь? – Иван с подозрением посмотрел на Капралова.

Ермолов присутствующий при назревающем конфликте поняв, что вот – вот произойдет нешуточная ссора между двумя старшими офицерами армии присел за стол за которым до недавнего времени сидел один из его лейтенантов и сделал вид, что происходящее его не интересует, а вот папка с документацией на поступившие и израсходованные запчасти очень даже захватывающее чтение, он уже жалел, что не пошел перекусить вместе со своими подчиненными. Начинающаяся ссора между двумя полковниками, обеспокоила его и он не жаждал быть свидетелем этого конфликта.

Особист улыбноувшись с самодовольным видом произнес.

– Значит за каждого готов поручиться? – на ко возьми вот это почитай.

Сказав это Капралов достал из внутреннего кармана шинели, какой то сложенный в несколько раз листок и развернув его сунул Толбухину в руки.

– Что это? – комбриг машинально взял протянутую ему бумажку и пробежался глазами по написанному. Потом перечитал еще раз и каким то жгучим не предвещавшим не чего хорошего взглядом посмотрел на особиста. Впрочем этот взгляд не касался именно Капралова.

– Прибыю гада, – произнес Иван скомкав листок очевидно приняв непоколебимое решение.

– Э – э, потише, это уже документ! – Капралов выхватил листок из рук комбрига и положив его на стол, аккуратно разгладил его, после чего свернув снова спрятал во внутренний карман шинели.

Потом толи особист, толи смершовец сочувственно посмотрел на комбрига и сказал.

– Теперь ты понимаешь, что за офицеры служат у тебя в бригаде, а ты за каждого поручусь кричишь, чуть гимнастерку на себе не порвал, тоже мне матрос Железняк. – А теперь сам подумай попади эта бумага в полит отдел фронта, такое бы началось. Капралов присел на краешек стола и достав из нагрудного кармана серебряный портсигар. Курил он редко и то в минуты крайнего волнения. Достав папиросу он про-

тянул портсигар Толбухину. Тот не отказался и взял папиросу, они оба закурили прикурив от одной спички зажженной комбригом.

Что за «фрукт» – этот капитан Мазуров? – спросил Капралов у Ивана затянувшись он выпустил из – за рта струйку белого дыма.

Толбухин тоже вынув со рта папиросу вдруг попросил.

– Дай самому разобраться в этом деле, уверяю этим двоим мало не покажется за их писульку.

– Боюсь не получится, большая вероятность, что эта писанина была не только на моё имя и как отреагируют на нее там наверху одному богу известно. – Перед войной и за меньшее сажали не смотря на звание и чин. – Конечно никто в такую чушь, что командарм Кропоткин струсив решив сдать никто не поверит, но осадок то останется и при случае ему это припомнят. – Поэтому разобраться в этом деле надо досконально и без всяких промашек, – строго глянув на Ивана ответил Капралов.

– Пойду пройдуся, – Ермолов встал из – за стола и направился к двери.

Ни один из полковников, не отреагировал на его уход занятые своими мыслями. Капралов думал о том, что с его стороны проще было переслать эту писанину сразу на «верх» по двум инстанциям, Берии и Абакумову и ждать их решения по этому вопросу. Но то, что этот случай с флагом произошел не с проста стало ясно после рассказа наводчика, про-

стая военная хитрость, но как видно для некоторых людей ищущих для всего подоплеку нет.

Толбухин подумал почти также, Кропоткин применил военную хитрость, даже не подумав, как воспримут это находящиеся рядом люди, одни поймут, как необходимые на данный момент действия, как этот наводчик, а другие посмотрят на это с другой стороны. С Мазуровым все ясно затаил обиду и воспользовался случаем отомстить, а вот Булыгин, он почти не знал этого старшего – лейтенанта, так встретились один раз, когда ИС – 2 под его командой передали в его бригаду. Хорошая машина, не чего не скажешь, правда боезапас не рассчитан для затяжного боя всего тридцать снарядов, отстрелял и нужно выходить из боя.

– Так, что это за человек, капитан Мазуров? – вновь повторил свой вопрос Капралов сделав затяжку и затушив папиросу. Разогнав взмахом руки табачный дым вокруг себя, особист вопросительно уставился на комбрига. Юрия Васильевича, вдруг посетила одна мысль, а вдруг и он начал мыслить как смершавец. Что если Мазуров, не какой не Мазуров, а немецкий шпион подосланный хотя бы, как вон тот трехпалый летчик. Окопался в бригаде Толбухина и начал действовать из под тешка.

Ответ Толбухина, почти разочаровал его.

– Да так вроде не плохой офицер, не трус имеет награды, одна слабость бабник еще тот, не одной юбки не пропустит, о том, что на этой почве у него был конфликт с командармом

не знал, как и то, что он доносчик.

Капралов на минуту задумался, но потом решительно встав со стола сказал.

– Едем в бригаду, на месте разберемся.

Штаб бригады занимал бывший сельский клуб и располагался, в комнате служившей когда то библиотекой. Сейчас же не было даже намека, что на уцелевших полках когда то стояли книжки, а за столами сидели жители села перечитывая газетные подшивки или рассматривали журналы. По всей видимости при немцах здесь располагалась районная полицейская управа и на полках сейчас все еще лежали папки со сведениями на каждого жителя села и окрестностях вокруг него. Так по крайней мере решил Капралов взяв одну из папок, в которой перечислялись жители какого то хутора с пометками напротив каждой фамилии. Там было указано все, год рождения, сколько детей, какое хозяйство, степень благонадежности, не служит ли кто из родственников в красной армии и тому подобное.

Примерно через полчаса прибыли вызванные офицеры.

Капралов внимательно вглядывался в их лица. Оба молодые, с наградами. У капитана аж целых три, два ордена и медаль. У старшего – лейтенанта Булыгина, пока одна награда, новенький орден «Красная звезда» вероятно за тот бой, когда бригада Толбухина схлестнулась с частями немецкой танковой дивизии, а три танка ИС – 2 ударили немцам в тыл разгромив их штаб и внеся немалую долю в победу в этом

бою. Вероятно офицеры не знали из – за чего были вызваны в штаб бригады, перед ними были два полковника: – один их комбриг, другой скорей всего из штаба корпуса, а может даже и армии. Лишь по хмурым взглядам старших офицеров было ясно, что вызвали их не для раздачи плюшек. Незнакомый полковник, еще раз строгим взглядом оглядел двух в чем то провинившихся офицеров и вдруг тихим вкрадчивым голосом не предвещавшим ничего хорошего проговорил.

– Ну, что же по виду вы орлы, brave хлопцы даже награды вон имеете, а приглядишься и видишь перед собой жалких завистливых людишек готовых из под тешка нанести удар в спину ближнего своего.

Услышанное, казалось привело в недоумение обоих офицеров, а лицо старшего лейтенанта и вовсе налилось кровью и не понятно от чего, толи от обиды на оскорбительные слова, толи от закипающей злости на того кто их произнес. На какое то время наступило продолжительное молчание, которое нарушил опять тот же самый грозный полковник.

– Чего молчите «орелики», или сказать не чего, так у меня у каждого рано или поздно язык развязывается.

Первым заговорил как ни странно старший – лейтенант, от волнения голос его был сбивчивым и слова он произносил чуть ли не по слогам.

– Вы товарищ полковник объясните нам, за чтоо вы нас оскорбляете.

– За, что! – А вот за это!

Полковник схватил со стола помятый листок и помахал им перед лицами офицеров.

– Написать донос и не на абы когонибудь, а на самого командарма, на что надеялись фашистские прихвостни, что особый отдел не будет особо разбираться, а пойдет у вас на поводу, да и арестует генерала Кропоткина?

Испуганным стало лицо только капитана, тот как то сник и взгляд его уставился в пол. Старший – лейтенант наоборот негодуяще посмотрев на особиста и с уже твердым голосом произнес.

– Я ничего и не кому не писал, тем более доносы.

– Не писал? – Может и не писал, а вот слухи о том, что наш командарм трус и предатель распространял, – взъярился полковник. – Что скажешь, не было такого? – Читаю.

По мере прочтения доноса оба провинившихся офицера мрачнели все больше и больше. Уже оба стояли опустив головы, боясь встретиться взглядами со своим комбригом. Толбухин смотрел на своих офицеров тяжелым, пронзительным взглядом, казалось он уже вынес свой приговор.

– Кого вы надеялись обмануть? – Меня служившего с командармом Кропоткиным, когда тот еще командовал только танковой бригадой и изучившим его вдоль и поперек? – Или своего комбрига, который был рядом с ним с начала войны и твердо знает, что генерал – лейтенант Кропоткин никогда не был трусом, а уж тем более предателем. – И тут появляетесь вы, встретившись с командармом в первый раз, один разби-

делся, что тот у него девку увел, другой решил, что военная хитрость примененная генералом, не достойна быть использованной при встрече в несколько раз превосходящим в численности врагом. – А значит, применять её могут только трусы и предатели. – Так по вашему товарищ старший – лейтенант? – обратился Капралов к Булыгину.

Тот в ответ лишь только ниже опустил голову.

– Вы, что не видели, как воюет генерал Кропоткин? – Он в тот день первым на ваших глазах подбил немецкий танк, повел в атаку свой небольшой отряд. – Да! – Приказал нацепить на свой танк флаг врага, но только для того, чтобы подобраться к нему поближе. – Это понял даже простой наводчик, бывший в экипаже у командарма, но не поняли вы офицер, командир взвода. – Нет ничего постыдного, в том чтобы победить врага применив хитрость, тем более, что враг не гнушается не чем.

– Вы товарищ старший – лейтенант всего несколько дней на фронте и не знаете, к чему только не прибегают фашисты, лишь бы победить нас. – Вы не видели, как немцы идя в атаку, гонят перед собой военнопленных, для того чтобы наши бойцы не открывали по ним огонь. – Вы не видели, как фашисты загоняют на минное поле женщин и детей и таким образом разминируют его. – А нам с таким приходилось встречаться.

Капралов на минуту замолчал, чтобы перевести дух и бросил коротко.

– И что же нам теперь с вами делать?

Тут вмешался молчавший до этого Толбухин.

– В моей бригаде таким деятелям не место, – сказал как отрезал комбриг, бросив на офицеров взгляд полный брезгливости и тут же добавил, – да и во всем корпусе рядом с ними никто не захочет служить.

– А кто сказал, что я их здесь оставляю? – Они что думают, приехал злой дядя пожурил и все. – Тут на лицо настоящее предательство, проба очернить и даже убрать командующего армии и когда во время наступления. – Кто как не враги способны на это. – И так ясно, что ареста и возможно трибунала им не избежать, только вот надо выяснить, сами они додумались написать донос на командарма или подсказал кто.

Внезапно заговорил, молчавший и сгорающий от стыда старший лейтенант Булыгин.

– Писать на командарма, какой – то там донос у меня и мысли не было. – Да признаюсь, высказался в присутствии нескольких офицеров батальона, что не одобряю решения командарма нацепить на танк фашисткий флаг, даже если это нужно для того, чтобы обмануть врага. – Но не о какой трусости командарма и его желании сдать, я не говорил.

Булыгин со злостью глянул на капитана Мазурова.

– Откуда я знал, что начальник штаба батальона напишет донос и так извратит мои слова. – Да и вообще я тогда выпивший был, мою первую награду обмывали, вот и не удержался.

жался, поведал о том случае с флагом, больно уж задел тот меня.

Молодой парень замолк, на его глазах навернулись слезы и уже вновь дрожащим голосом он спросил.

– А меня и правда арестуют и отдадут под трибунал?

И уже почти плача добавил. – А я ведь почти год после окончания училища рвался на фронт, писал рапорта и вот теперь трибунал.

Капралов посмотрел на этого крепко сложенного пусть и не очень высокого роста старшего лейтенанта, который вот – вот расплачется и понял, что перед ним всего лишь едва повзрослевший мальчишка. Еще когда тот вошел в комнату, молодой окрыленный не знавший, чем ему обернется вызов в штаб бригады, особист понял, что тот не приделах, но вот язык держать за зубами еще не научился, за что и должен ответить. Нет конечно под трибунал он его не отдаст, но стружку как следует снимет. А вот капитан Мазуров с этим стоит поработать, ведь именно от его имени пришёл донос.

Булыгин замолчал, но тут наконец то прорвало капитана.

– Я этого не писал, вдруг заговорил он. – Я тогда сильно выпивший был! – Да сидели каждый говорил о своем, о наиболее болевшем.

– Старший лейтенант Булыгин тогда поведал, как по приказу генерала на антенну танка нацепили немецкий флаг и как его Булыгина это возмутило. – Я не удержался и пожаловался на то, что генерал Кропоткин пользуясь своим по-

ложением, увел у меня бабу с которой я почти договорился, ну тут и понеслось мы тогда выпили еще.

Капитан Мазуров поморщился, – дальше плохо помню.

– Я задремал за столом меня кто – то растолкал и спросил, хочу ли я отомстить генералу за нанесенную обиду.

– Я подумал и согласился, мне подсунули листок и самописную ручку, только вот писать я был не в состоянии и снова задремал. – Помню как меня вновь растолкали, сунули какой то листок и сказали подпиши. – Ну, я и подписал.

Капралов всмотрелся в перепуганное лицо капитана Мазурова. Похоже, не врет, только и доверие не внушает его рассказ, о чем то капитан умалчивает, но вот о чем.

– Ну и кто тот человек, что попросил тебя подписать эту писульку? – особист вновь затряс перед лицом капитана листком с доносом.

– Не помню товарищ полковник. – Выпивший был, – стал вновь оправдываться капитан.

Но тут лицо его вдруг просветлело, – точно могу сказать, кто то из своих был, тогда в комнате только с нашего батальона и были.

– Ну, вот уже кое что, – Капралов присел за стол, раскрыл вытащенный из планшета блокнот с карандашом и спросил.

– Имена, фамилии? – Быстро, мне не когда тут с вами расусоливать.

– Так это нас вроде шестеро было, – начал вспоминать капитан. – Я, вот он – Мазуров с опаской посмотрел на Булы-

гина и продолжил. – Еще двое ротных были: капитан Воробьянинов и старший лейтенант Шишковец, но эти точно на такую подлость так нас подставить не способны, ребята боевые не раз боях бывали, эти точно нет.

– Но, а еще двое кто? – поторопил капитана Капралов.

– Так взводные, старший – лейтенант Стреженюк и лейтенант Кобзев, но этих я еще по училищу знаю, так что наговаривать не хочу.

– Хочу не хочу, не те не способны, не эти подходят, – передразнил капитана особист.

– А может все же вы вдвоем по пьянке донос то и сочинили, да признаться боитесь, а нам тут лапшу на уши вешаете? – снова с обвиняющими нотками заговорил Капралов подымаясь из – за стола.

– Ей богу нет, – поспешил заверить в обратном Мазуров.

Полковник строго посмотрел на него. – Ты что верующий, а по анкете вроде коммунист, – особист постучал по папкам лежащих на столе.

– Да нет, просто так вырвалось! – испугано ответил капитан и почему – то глянул ища поддержки у комбрига Толбухина. Но тот о чем то задумавшись даже не посмотрел на офицера.

А задуматься Ивану было над чем. Вся эта история с доносом не чем хорошим не могла закончиться для его бригады. Эти двое даже сейчас не осознают всю серьезность происходящего. Толбухин хоть и немного но знал полковника Капра-

лова, как и то что тот работал на СМЕРШ. И вот раскрыть антисоветский заговор в его бригаде, да это же для его карьеры Капралова заветная мечта. Группа офицеров под видом обмывания наград собираются и устраивают заговор, против генерал – лейтенанта Кропоткина. На того и так уже было несколько покушений и попыток захвата не получилось, так почему не попробовать убрать удачливого генерала руками своих же спецслужб. Толбухин слышал о таком, не один советский генерал был обвинен по доносу в предательстве и измене тех арестовывали и даже расстреливали, пострадали многие старшие командиры. Но тут у немцев не срослось командарм Кропоткин ходит чуть ли не в любимчиках у самого Сталина. Поэтому и НКВД и СМЕРШ сразу так среагировало на эту попытку оболгать известного генерала, такое могут сделать только враги. И вот двое офицеров считай, что арестованы, недаром там за дверью стоят два лейтенанта особиста прибывшие вместе с Капраловым, еще один свой из бригады, а так же отделение солдат из комендантского взвода.

Как бы читая его мысли Капралов крикнул глядя на дверь.
– Кубышкин!.

Дверь тот час же отворилась и в комнату заглянул бригадный особист.

– Офицеров: Шишковца, Воробьянинова, Кобзева и Стреженюка сюда немедленно, – прочитал из блокнота фамилии Капралов.

– Под конвоем, или как? – уточнил местный особист у на-

чалства. Пол часа назад он разоружил двоих офицеров бригады прибывших в штаб по вызову и судя по всему сейчас шел их допрос, поэтому старший лейтенант и решил уточнить свои действия.

Началось подумал Толбухин думая, что же предпринять.

Капралов глянув на комбрига, видя как у того в волнении задергались желваки, ответил офицеру особого отдела бригады.

– Пока нет, пошлите вестового за названными людьми пусть срочно явятся в штаб.

– Слушаюсь! – офицер хотел скрыться прикрыв дверь, но Капралов остановил его.

– А этих двоих, – он кивнул на Мазурова и Булыгина поместить на гауптвахту не давая не с кем разговаривать и передавать что либо.

Офицер кивнул и через минуту в комнату вошли он и двое автоматчиков. Они увели арестованных.

Капралов вновь присел за стол и достав пачку папирос закурил. Посмотрел на вновь задумавшегося комбрига и сказал.

– Тех четверых необходимо допросить, ведь кто то подтолкнул Мазурова к написанию доноса и этот кто то враг.

Снова глянув на Толбухина вдруг улыбнулся.

– Да не переживай ты так Иван, разберемся. – Эти двое, которых я на гауптвахту отправил, молодые дураки, им бы языки за зубами держать, а не косточки начальству переми-

вать. – Посидят немного, авось поуразумеют, я так понял от них больше нечего не добьешься, может те сослуживцы с которыми они водку жрали, что вспомнят.

Наступила тишина, только за дверью слышался гомон голосов, да на улице послышался звук мотора и притормозившей у штаба бригады машины. Примерно через минуту в коридоре раздался топот сапог и в дверь постучались.

– Войдите! – разрешил Капралов засунув назад в портсигар очередную так и не раскуренную папиросу.

Дверь приоткрылась и в нее заглянул уже довольно пожилой сержант.

– Товарищ полковник, обратился он к комбригу Толбухину.

– Тут вызванные офицеры прибыли. – Запустить?

– Пусть входят, – разрешил Иван обернувшись к двери.

Сержант, открыв дверь посторонился, давая дорогу четверем танкистам. Двое из вошедших были в черных местах в масляных пятнах комбинезонах, очевидно приказ немедленно явиться к комбригу застал их в тот момент когда они вместе со своими экипажами обслуживали технику. Самый старший по званию капитан одетый в подпаленный и кое где с заплатами полушубок козырнув доложил.

– Товарищ комбриг вызванные вами офицеры второго танкового батальона прибыли, командир первой роты капитан Воробьянинов.

Толбухин мрачным взглядом оглядел вошедших офице-

ров и отошел в сторону уступая первым начать беседу с ними вставшему из за стола Капралову. Тот тоже внимательно осмотрел по отдельности каждого офицера вглядываясь им в глаза. После чего кашлянув начал задавать вопросы не обращаясь не к кому конкретно.

– Тут недавно кое кто через чур сильно перебрал обмывая награды. – Разговоры всякие вел, в том числе о начальстве ругая его по всякому.

Капралов не уточнил о каком начальнике именно шла речь, может о комбриге Толбухине, может о командующем корпусом генерал – майоре Воронине, а может о заместителе командарма генерал – майоре Вяземском – который при случае мог провинившемуся в чем то офицеру и в ухо дать, а кулачки у Артура Николаевича не меньше той головушки в которую прилетело. Правда заместитель командующего армии бил не со всей силы, так для профилактики, зато после такого внушения все команды и распоряжения исполнялись в срок и без допущения ошибок. Но судя по всему надо было брать выше, так оно и оказалось.

– И так товарищи кто из вас написал донос на командующего армией генерал – лейтенанта Кропоткина?

Капралов не стал ходить вокруг да около, ведь наверняка офицеры слышали жалобы капитана Мазурова о том, как командарм пользуясь своим положением увел у того девушку, рассказ старшего – лейтенанта Булыгина о его первом бое в котором он отличился, а вот командарм повел себя подозри-

тельно приказав нацепить на свой танк фашистский флаг, не иначе как струсил.

Таких вопросов танкисты не ожидали и потому были этим ошарашены и стояли молча временами переглядываясь друг с другом.

– Чего молчите товарищи офицеры, думаете, я несу окололесицу, обвиняя вас в том, что кое кто из вас послушав разговоры двух пьяных дураков, решил написать вот эту писульку, – особист помахал перед танкистами листком с доносом точно так же, как перед этим махал перед Мазуровым и Булыгиным.

Первым заговорил Воробьянинов, вероятно опять потому, что был старший по званию.

– Да не писали мы ничего такого, у нас и мыслей не было, да еще на командарма.

Капитан потупился, – да разговоры были, виноват.

– Я первый о том начал, в смысле о «подвигах» капитана Мазурова, тот постоянно хвастался своими «победами» на женском фронте, то связистки, то медсестрички то из БПХ «банно прачечное хозяйство». – А недавно опять в санбат зачастил якобы из – за ранения на перевязку, хотя её и у нас в бригаде можно было сделать. – Сразу понятно стало новая пассия завелась, ну я и поинтересовался у начштаба, как у него дела на любовном фронте, ну тот и поведал о своей неудачи и кто в этом виноват. – Ну, мы только посмеялись, нашла коса на камень, а тут этот новенький в разговор влез,

ему видно много пить нельзя, и давай про свои подвиги рассказывать, как он в первом же в бою побывал и не струсил, а вот командарм чего то осторожничать стал. – Приказал прицепить на антенну своего танка немецкий флаг и лишь только тогда пошел в бой.

Капитан Воробьянинов вдруг улыбнулся.

– А здорова наш командующий придумал. – Немцы тогда нашу бригаду со всех сторон в городке прижали, – начал рассказывать танкист. – Боезапас кончается, горючие на исходе, ну думаем хана нам, а тут он с этими новыми танками и прям в тыл к ним заходит. – Немцы пока разобрались в чем дело потери понесли и не до нас стало, а тут штурмовики налетели и дали им прикурить.

– То есть, действие генерал – лейтенанта Кропоткина ты считаешь верным? – перебил его Капралов.

– Да что я, все мы так считаем! – капитан посмотрел на своих товарищей.

Те согласно закивали головами.

– Врага нужно бить всеми возможными средствами в том числе и хитростью, – высказался капитан.

– Но кто то из вас все же послал на моё имя этот донос, – охладил его пыл особист. – Причем составил грамотно, если бы лично не знал генерала Кропоткина, сам бы отослал эту бумагу на «верх» и начал следствие. – Впрочем следствие и так начал ищу среди вас доносителя, и думаю, что найду.

– Выбор то не велик, кроме вас шестерых в той пьянке

никто больше участия не принимал.

– Почему шестерых? – заговорил вдруг до этого молчавший другой ротный старший лейтенант Шишковец.

– Там еще наш батальонный старшина был Конюхин, как же без него у него же и спирт и тушенка все НЗ на нем.

– А ведь верно подхватил его Воробьянинов был старшина, только он больше в сторонке держался, это мы свои награды обмывали, а у него повода не было в боях не участвовал.

– Что за человек этот ваш старшина? – спросил у танкистов Капралов, вновь достав из кармана портсигар и достав папиросу, в этот раз закурил.

– Жмот еще тот, зимой снега не выпросишь, – высказался о нем Воробьянинов. – Вот ребята из моей роты все молодые, им еще расти и расти, ну в бою перенервничают, а чтобы успокоится НЗ свой оприходуют, ведь после боя коль жив остался перекусить самое то, а обед там или ужин пока подвезут. Ну, а на всякий случай продовольственное НЗ в танке должно быть все это понимают, а старшина нет. – НЗ выдавалось – выдавалось, а что с ним случилось старшину не волнует, – с раздражением высказался капитан. Он не стал уточнять, что в НЗ входила так же фляжка со спиртом. Ведь довольно часто танкистам приходилось выскакивать из горящего танка, получать сильные ожоги, а значит болевой шок. А хоть как то унять боль можно только выпив спиртного и чаще бывает им делится другой экипаж ведь свой НЗ

из горящего танка вряд ли успеешь прихватить. Но этого Капралов не стал уточнять прекрасно зная, как бывает коротка жизнь танкиста, приходилось видеть, что остается от экипажа сгоревшего танка.

– Вот до Конюхина старшина был, так старшина, хорошо понимал нашего брата танкиста, никаких вопросов не задавал, что да как куда делось. Ведь у нас и комбинезоны и другая одежда тоже горят и чаще чем у других изнашивается дело то с техникой имеем.

Ротный видно имел в виду свой поношенный полушубок. Но особист прервал его изливания. – Давно у вас этот Конюхин служит, – спросил он затушив окурок об угол пошарпонного стола и бросив его в стоявшую на нем вместо пепельницы стреляную гильзу.

– Да уже посчитай третий месяц, как старшину прежнего шальным снарядом убило, он как раз к нам после госпиталя и попал, – ответил Воробьянинов.

– После госпиталя значит? – Капралов задумался, потом сказал. – Вот, что товарищи, подождите в соседней комнате, а мы пока с вашим комбригом побеседуем.

Дождавшись пока танкисты выдут, Капралов вновь позвал местного особиста. Тот в связи с поднятой шумихой, арестом двух офицеров и разговором еще с четырьмя, которых вроде и не арестовали, но и не отпустили, начал переживать уже за себя, опасаясь как бы не обвинили его в расхлябности и бездействии.

– Вот, что старший лейтенант, принеси мне личное дело старшины второго батальона Конюхина, да и приведи мне самого его сюда, только поосторожней сдается мне он то нам и нужен.

Уже скоро Капралов просматривал тоненькую папку в которой то и было несколько листков. Короткий послужной список Конюхина в котором было указано от куда тот родом и когда призвался, в каких частях служил, копия наградного листа на медаль «За боевые заслуги» и выписка из госпиталя в котором старшина находился на излечении. Особенно Капралова заинтересовала выписка из госпиталя. В ней значился город Орел, госпиталь №16.

Толбухин до этого не вмешивавшийся в происходящее, тоже заинтересовался делом старшины, но не нашел в нем ничего подозрительного. Такой военной биографией мог похвастаться каждый второй солдат успевший повоевать не первый год, но Капралов просмотрев дело принесенное из строевой части, повел себя странно. Лицо его озарилось улыбкой и он вдруг в предвкушении чего то радостно стал потирать руки. Когда ввели помятого старшину, с разбитым носом и опухшими губами и связанными за спиной руками, Капралов даже привстал бросив укоризненный взгляд на своего подчиненного. Но старший лейтенант поняв в чем дело стал объяснять и оправдываться.

– Так товарищ полковник мы его нашли возле бригадных складов, он получать там, что то собирался, а увидев нас раз-

волновался, бросился бежать, тут мы его и прихватили.

– Так он мне собака чуть палец не откусил, – капитан показал разбухший указательный палец на правой руке.

– А это мы у него, кроме положенного по штату револьвера нашли, – капитан выложил на стол вальтер, при этом болезненно поморщился задев больной палец.

Заметив это Капралов сам поморщился и сказал.

– Ты вот, что братец сходи в санчасть, пусть там тебе палец обработают, да укол сделают от бешенства.

Старший лейтенант посмотрел на свой пораненный палец, почему то подул на него и видно решив, что полковник прав направился к дверям, но на полдороги остановился и обернувшись задал вопрос.

– Товарищ полковник, а укол от бешенства зачем делать?

Капралов с удивлением посмотрел на подчиненного, но все же ответил.

– Он же тебя покусал Кубышкин, – полковник кивнул на задержанного. – Откуда ты знаешь, что он не бешеный, так что укольчик не помешает.

– А ну да, – капитан кивнул и вышел.

Толбухин посмотрел на Капралова пытаясь понять шутит тот или нет. Но особист выглядел вполне серьезным и комбриг лишь расслышал его бормотание.

– Все они бешеные фашистские прихвостни поэтому профилактика не повредит.

Потом полковник глянул на испуганного задержанного и

тоже вполне серьезно сказал.

– Вот, что старшина Конюхин, или как там тебя по настоящему. – Мне особенно с тобой сейчас возится не когда, поэтому у тебя сейчас выбор не большой или ты начинаешь все рассказывать, или, – Капралов кивнул на стоящих позади старшины двух конвоиров. – Эти ребята сейчас отведут тебя за околицу, да там и грохнут.

Как не странно старшина поверил сказанному и «запел».

Как и оказалось был он вовсе не Конюхин, а Засухов Петр Ильич. Уроженец Томбовской губернии, бывший завскладом одной из местных артелей. В начале войны призвался, попал в плен, где помыкавшись, решил начать служить немцам. Сначала доносил на своих товарищей по лагерю, потом его сделали в качестве поощрения хиви. Нет он не кого не убивал просто сотрудничал с немцами. Чуть позже заметив его старания его направили в школу Абвера, где начали готовить в качестве диверсанта. Но когда его забросили в Советский тыл он решил, что лучше отсидеться, тем более, что документы полученные им после заброски были настоящие и самое главное по ним ему не надо было находиться на передовой. Старшина, в танковой части, что может быть лучше, не надо ходить в атаки, всегда при харчах, все перед тобой кроме конечно начальства любезничают, всем ты нужен. Как и кто передал документы, он не знает, просто был указан тайник, рядом с одним селом неподалеку от города Орла он покажет.

Что, кто надумил написать донос на генерала Кропоткина. Так случайно вышло. Позвали его на сабантуй по случаю, получения наград офицеры. Почему позвали? А как же без него, спирт, продукты все у него. Услышал разговоры о командарме Кропоткине и тут вспомнил, что одно из заданий было при случае убирать командный состав и тут такой случай. Писать доносы Засухов приноровился еще на гражданке на сослуживцев на соседей. Зачем он это делал?

Так сперва как он стал завскладом, сперва же только учетчиком был. Теща посоветовала, мол все так делают. Завсклада по доносу арестовали, а он как самый опытный работник получил эту должность. Вот и пошло и поехало, анонимки писал из зависти, или неприязни, а потом вошло в привычку. Почему решился написать на командарма? Так мало ли что, вдруг немцы опять в верх возьмут, а у него есть чем оправдаться. Зачем подставил капитана Мазурова? Так тот будучи начальником штаба батальона, так достал его, мол у людей того этого не хватает, а в таком то экипаже пора обмундирование менять, у тех не форма, а лохмотья какие то. В общем достал.

Перечитав всю эту писанину Капралов аж скрежетнул зубами, сколько людей пострадало из – за этих вот Засуховых в свое время при Ежове, при Ягоде, да и сейчас приходится реагировать на каждую анонимку поскольку к сожалению иной раз в них бывает правдивая информация.

Толбухин присутствующий при допросе, заметив, что Ка-

пралов засобиралися уезжать спросил.

– А что делать с Мазуровым и Булыгиным?

Капралов не задумываясь ответил.

– Решай сам, а мне и Засухова хватит, надо допросить более подробно и особенно насчет школы Абвера в которой тот был, да и обо всем прочем.

Когда Капралов уехал, Иван приказал привести к себе Мазурова и Булыгина.

Через полчаса оба офицера вышли из штаба, хмурые но свободные. Под глазом у капитана виднелся наливающийся фингал, а на погонах у Булыгина отсутствовало по одной звездочке.

– Все это временно, – напутствовал их комбриг. – Покажете себя в деле, тебе Мазуров верну должность начштаба батальона, а так пока побудешь командиром танка на ИС – 2 под командой лейтенанта Булыгина. – Да, да лейтенанта, заслужишь в деле верну звездочку. – Скажите спасибо, что легко отделались, а могли и в штрафбат загреметь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.